

ЛУЧШИЕ ФАНТАСТЫ ЕВРОПЫ

Читайте в серии:

ЛУЧ

ЛИГР

VITA
NOSTRA

ПРИВРАТНИК

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

ПРИВРАТНИК

Москва 2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д99

Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*

В оформлении переплета использована работа
художника *Вячеслава Остапенко*

Дяченко, Марина Юрьевна.

Д99 Привратник / Марина и Сергей Дяченко. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-101995-2

В 2005 году в Глазго Марина и Сергей Дяченко были признаны лучшими фантастами Европы. Перед вами их самая первая книга.

...Есть древнее предсказание, что однажды, когда золото начнет ржаветь, в мир придет никому не известная Третья Сила, которую впустит Привратник, открыв Дверь в этот Мир. И вывернется мир наизнанку, и в первую очередь погибнут маги. Руал Ильмарранен, бывший маг, потерявший свои способности из-за двойного предательства, — главный кандидат на должность Привратника, человека, перед которым склонится весь род людской.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дяченко М., Дяченко С., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101995-2

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ

Ранней весной Ларт отправлялся в один из своих вояжей — как всегда, неожиданно и, как всегда, спешно.

Весь день перед отъездом прошел как в лихорадке. Ларт был угрюм, что бывало с ним часто, и вроде бы растерян, чего с ним никогда не случалось. Несколько раз собирался мне что-то сказать — и раздраженно умолкал. Я нервничал.

Выехал он на рассвете, снабдив меня множеством инструкций. Я должен был исполнить несколько мелких поручений в поселке, привести в порядок дом, собрать дорожный сундучок и вечером встретиться с Лартом в порту, чтобы на закате поднять паруса.

Проводив его взглядом, я вздохнул свободнее.

Управиться в поселке было несложно — там меня считали «учеником чародея», а такое отношение здорово упрощает жизнь. Глупо же объяснять всем и каждому, что никогда я не был Лартовым учеником. Служкой — да; горничной,

дворецким и мальчиком на побегушках в одном лице — кем угодно, только не учеником. Тем не менее в поселке меня встречали, как вельможу, а трактирщик наливал мне в долг.

Вернувшись в дом на холме и кое о чем поразмыслив, я сообразил, что, проявив расторопность, успею по дороге в порт попрощаться с Данной. Эта мысль придавала мне резвости, и скоро Лартовы покои заблистали чистотой, а сундучок чуть не оборвал мне руки, пока я вытаскивал его в прихожую.

И тут, в прихожей, я вспомнил про последнее из хозяйских поручений.

Уже поставив ногу в стремя, Ларт поморщился болезненно, поколебался (неслыханное дело!) и вытащил из кармана вчетверо сложенную бумажку.

— Да... — буркнул он раздраженно. — Когда луч достигнет колодца, прочитай это вслух и внятно там же, в передней. Желательно ничего не перепутать, не опоздать на пристань и поменьше болтать. Это все.

В таком поручении не было ничего сверхъестественного — подобное мне приходилось делать и раньше. Конечно, лестно было воображать себя магом, но, честно говоря, не хуже бы справился и попугай, умей он читать...

В прихожей царил полумрак, ибо посетители волшебника должны немедленно проникаться благоговейным страхом.

Я и сам им проникся, когда впервые переступил порог Лартова дома. Все началось с того, что

полочка для обуви укусила меня за щиколотку... Такое забывается не скоро.

Я поставил сундучок у двери.

В потолке имелось круглое отверстие, сквозь которое в солнечные дни пробивался луч — узкий и острый, как вязальная спица. За день он проходил путь от оленьих рогов над входной дверью до гобелена на стене напротив.

Под гобеленом, где всю трубили охотники с соколами на рукавицах, выдавался прямо из стены чрезвычайно неприятный колодец, из которого тянуло плесенью. Луч имел обыкновение заглядывать в него после полудня. Этот час и имел в виду Ларт, когда давал мне поручение.

Покончив с сундучком, я устроился в кресле слева от двери и стал ждать, пока магический, но крайне нерасторопный луч сползет с ковра и взберется на сырую кладку колодца.

Время шло, я отдыхал от утренних трудов, радовался предстоящему путешествию и разглядывал давно и до мелочей знакомую переднюю мрачноватого Лартова дома.

Прямо передо мной располагалось так называемое лохматое пятно — в этом месте постоянно отрастала шерсть на ворсистом ковре, и в мои обязанности входило регулярно ее подстригать, уравнивая с остальной ковровой поверхностью. Остриженную шерсть я собирал в полотняный мешочек, надеясь со временем связать себе шарф.

А справа от меня, по другую сторону двери, помещалось зеркало, которое я всегда обходил стороной и даже пыль с него стирал, отвернувшись. Ларту оно служило как собака, угодливо показывало его отражение со всех сторон и, по-моему, помогало завязывать шейный платок. Мою особу оно не отражало никогда, а норовило напугать жуткими, ужасно правдоподобными и часто противными изображениями. Сейчас оно чернело, как поверхность стоячего озера в темной чаще.

Массивный платяной шкаф хозяин никогда не открывал, но я каждую субботу перетряхивал его, шкафа, содержимое. Особенно много возни было с железными латами — их ведь надо полировать сушкой.

А мрачное чудовище в углу у Ларта называлось вешалкой. Трудно сказать, на что она была больше похожа — на больное дерево или скелет уродливого животного. Три года назад Ларту подарил это сооружение кто-то из дружков-колдунов, я, помнится, еще подумал, что хозяин поблагодарит и уберет его в чулан, так нет же, он выставил подарочек на видное место и велел мне вешать на него плащи визитеров. И получилось как-то незаметно, что в доме, где полно чудес и диковин, эта вешалка оказалась едва не самой странной странностью — Ларт явно выделял ее среди остальных предметов. То лицо воротил, проходя мимо, то усмехался как-то неприятно, а однажды всыпал мне за то, что я, мол, слишком ее нагрузил. Ларт, впрочем, и есть Ларт — что взбрет ему в голову, предсказать невозможно.

Сейчас на этой искореженной рогатине висела только моя куртка, бирюзовая с золотом, купленная осенью на окружной ярмарке. Ларт, помнится, что-то проворчал насчет моего вкуса, но Данне куртка определенно понравилась.

И мысли мои невольно переметнулись к Данне — она ведь лучшая девушка в поселке, а я чужак, не очень красивый и не самый сильный, но она выбрала меня, потому что я — «ученик чародея», а значит — за мои особые качества. Так я втихомолку радовался, пока не увидел, как луч преспокойно выбирается из колодца.

Я успел покрыться потом, пока разыскал в карманах мятую бумажку, сложенную вчетверо.

Ларт писал, конечно, не колдовскими рунами, а крупными печатными буквами, как в букваре, — чтоб и заяц мог разобрать. И все равно я здорово изломал себе язык, пока дочитал до половины, а когда дочитал, то вообще пожалел, что взялся. Воздух вдруг наполнился звенящим напряжением и задрожал, как над костром; я в панике выкрикивал эти полупристойные звуко сочетания, не слыша себя. Заклинание заканчивалось этаким повелительным возгласом, Ларт даже отметил его восклицательным знаком; у меня это вышло, как вопль придавленной кошки. И как только этот вопль стих...

Уже давно что-то, замеченное боковым зрением, мне мешало. Сейчас я резко повернул голову и увидел, как вешалка выгибается от верхушки до основания, будто сотрясаемая конвульсиями. Я не первый год у Ларта на побегушках и пови-

дал всякое, но это, поверьте, было очень страшно. И прежде чем я смог вытолкнуть застрявший в горле крик, на месте вешалки обрушился на пол человек.

Я не сразу сообразил, что это человек. Он лежал бесформенной грудой на ворсистом ковре, а я стоял в противоположном углу и боялся пошевелиться. Вот так так, и эта вешалка торчала в прихожей три года...

Человек пошевелился, судорожно дернулся и поднял на меня сумасшедшие глаза. Я попятился; он вскочил и перевел взгляд на свои руки. В правой была зажата моя бирюзовая с золотом куртка. Он замычал и с отвращением попытался ее отбросить, но пальцы, по-видимому, не слушались. Тогда он левой рукой разжал пальцы правой и швырнул мою куртку в угол, как вещь исключительно гадкую, так что мелочь из карманов рассыпалась по всей прихожей. Потом снова уставился на меня (в глазах ни тени мысли), опять перевел взгляд на руки и стал вдруг ощупывать себя с головы до ног, всхлипывая все громче и громче, пока не захохотал (или заплакал) и не сполз по стене обратно на ковер.

Я знал раньше, что маги занимаются подобными вещами, но никогда не предполагал, что Ларт, мой хозяин, на такое способен.

А человек смеялся, теперь уже точно смеялся, и катался по полу. Я совсем уж было уверился, что это сумасшедший, когда он вдруг замер и зажал себе рот рукой. Потом прохрипел, не глядя:

— Дай воды.

На кухне я вспомнил-таки: вешалку эту преподнес хозяину его вечный соперник Балбазарр Эст в знак очередного примирения.

Когда я вернулся в прихожую, тот человек уже взял себя в руки. Лицо его, правда, еще было безжизненно-серым, но из глаз исчезло паническое выражение; он сидел, привалившись спиной к стене, и массировал лоб и щеки, возвращая им человеческий цвет.

Я протянул ему стакан, он выпил до дна, стуча зубами о стекло. Поставил опустевший стакан, перевел дух и посмотрел мне прямо в глаза:

— Значит, таков был его приказ?

Я не стал выяснять, чей это — «его», и кивнул.

— Что дальше?

Его плохо слушался язык, но он прямо-таки буравил меня глазами.

— Дамир...

Вот как, он меня знал!

— Дамир, что он еще приказал?

Я сглотнул и пожал плечами.

— Я так понял, — хрипло продолжал он, — что могу.. убираться восвояси?

Я глупо улыбнулся.

Он встал, держась за стену. Двинулся к двери. Обернулся:

— Хорошо. Ладно. А теперь... Передавай ему привет. Просто привет от Маррана.

Я стоял на пороге и смотрел, как он уходит, едва переступая негнущимися ногами.

* * *

...Это было безумие — передавать ему привет. Это было пустое и глупое бахвальство.

Странный и нелепый человек шагал по дороге. Когда-то его звали Руал Ильмарранен, по кличке Марран.

Ноги на желали подчиняться, потому что за три предыдущих года им не пришлось сделать и шага. Руки, неестественно выгибаясь, судорожно хватали воздух, ловя несуществующие воротники плащей и курток. Пасмурное весеннее небо было слишком светлым для привыкших к полумраку глаз.

По дороге к поселку шагала ожившая вешалка господина Легиара.

Марран силился и не мог удержать надолго ни одной, самой пустяковой мысли. Вот дорога, думал он, опустив голову и вглядываясь в раскисшую глину. Это вода. Это песок. Это небо. Тут он пошатнулся, неуклюже пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и упал, как падает деревянная палка. Прямо перед глазами у него оказался жидкий кустик первой весенней травки. Это трава, подумал он безучастно.

Откуда-то из глубин отупевшей памяти явился сочно-зеленый луг, над которым деловито вились цветные бабочки, и бронзовая ящерица на горячем плоском камне.

Марран с трудом перевернулся на спину, оттолкнулся от притягивающей к себе земли, руками согнул сведенную судорогой ногу — встал, шатаясь.

Воспоминание помогло ему, позволив хоть немного приостановить хаотически несущийся поток бессвязных мыслей. Он уцепился за один, самый яркий образ: ящерица, ящерица...

Девочка-подросток, чьей самой большой гордостью было умение превращаться в ящерицу. И мальчишка, над этой ее гордостью смеющийся.

«А в саламандру умеешь? А в змею? А в дракона? Ну, посмотри на меня! Ведь это так просто!»

Мальчишке ничего не стоило скакать кузнечиком, гудеть майским жуком — а она умела тогда превращаться в ящерицу, и только. Мальчишка наслаждался своим превосходством, хлопал пестрыми сорочьими крыльями прямо над ее головой — она с трудом сдерживала злые слезы.

«Ну хватит, Марран! Убирайся, можешь больше не приходите!»

Марран вздрогнул.

Он стоял на холме, под его ногами качалась раскисшая дорога, а прямо перед ним лежал в долине поселок. Вились теплые дымки над крышами.

Он не принимал решение — ему просто больше некуда было идти.

Непослушные ноги знали дорогу, но шли медленно, так медленно, что он добрался до места поздним вечером. Калитка не была заперта. Дом засыпал — слабо светилось последнее, бессонное окно.

Марран встал у двери, не решаясь постучать. Затуманенное сознание понемногу прояснялось — и по мере этого прояснения ему все сильнее хотелось уйти.

Но тут дом проснулся.

Что-то обеспокоенно спросил женский голос, застучали шаги по лестнице, осветились окна... Женский голос повторил свой вопрос нервно, почти испуганно.

Дверь распахнулась. На Маррана легла полоса теплого, пахнущего жильем света. Он заморгал полуослепшими глазами.

Та, что стояла в дверном проеме, пошатнулась и едва удержала фонарь.

...На обеденном столе горели две свечи. Топилась печка; щели вокруг чугунной дверцы светились красным.

Он сидел, уронив голову на руки. В полубреду ему виделась ящерица на горячем камне.

— ...слышишь меня?

Он с трудом поднял голову. Женщина стояла перед ним с бокалом темной жидкости в трясущихся руках:

— Выпей...

Он начал пить нехотя, через силу, но каждый глоток возвращал ему власть над мыслями и способность облекать их в слова.

— Три года... Три года, Ящерица...

Женщина запрокинула голову, закусив губу:

— Я вдруг почувствовала твое присутствие. Я поняла, что ты пришел...

— Прости.

Она сдавленно рассмеялась:

— А я всегда чувствовала, что ты идешь... У меня голова начинала болеть, и я думала — опять негодный Марран...

Он попытался улыбнуться:

— Да?

Она раскачивалась на скамейке, глядя на него странным, не то насмешливым, не то растерянным взглядом.

— А помнишь, как ты мне хвост оторвал?! И потом носил на шее, на цепочке...

— А потом потерял...

— А я себе новый хвост отрастила...

— А помнишь, как ты меня дразнила? Марран — противный таракан...

— И еще Марран — хвастливый барабан...

— И облезлый кабан...

Она зашлась смехом:

— Не было кабана, это ты только что придумал... — И продолжала сразу, без перехода: — А ты живой, Марран... Ты живой все-таки...

Ее смех оборвался.

— Я виноват перед тобой, Ящерица, — сказал с длинным вздохом ее собеседник. — Не надо было приходить.

В соседней комнате завозился, заплакал ребенок. Женщина по имени Ящерица вздрогнула, решительным мальчишеским движением стерла слезы и вышла, прикрыв за собой дверь. Маррану показалось, что огонь в печи почернел.